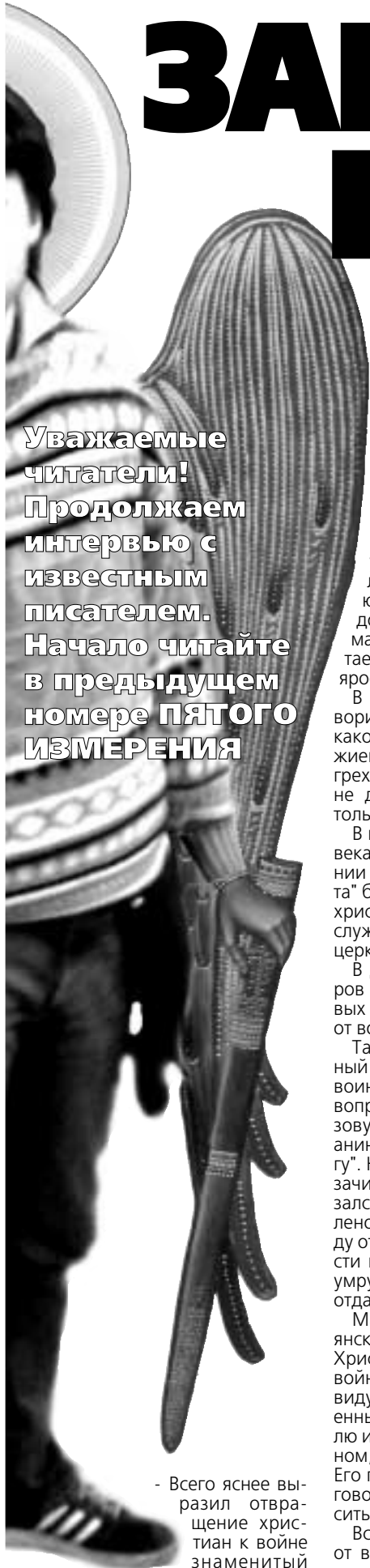

ЗАКОН НЕНАВИСТИ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Уважаемые читатели! Продолжаем интервью с известным писателем. Начало читайте в предыдущем номере ПЯТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

лагая к христианам слова Исаяи, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: "Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, - ибо через Иисуса Христа мы сделали детьми мира". Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы (так что, по мнению Цельза, если только Римская империя делается христианской, она погибнет), Ориген говорит, что христиане больше других сражаются за благо императора, - сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, то совершенно справедливо говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказываются и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианина быть военным: "Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, - говорит он про военную службу, - крепости света и крепос-

ти тьмы. Не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам господь? Неужели можно упражняться мечом, когда господь сказал, что каждый взявшийся за меч от меча погибнет. И как будет участвовать в сражении сын мира?"

"Безумствует мир во взаимном кровопролитии, - говорит знаменитый Киприан, - и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается в массе. Преступникам приобретает безнаказанность умножение ярости".

В четвертом веке Лактанций говорит то же: "Не должно быть никакого исключения в заповеди Божией, что убить человека всегда грех, - говорит он. - Носить оружие не дозволено, ибо их оружие - только истина".

В правилах египетской церкви III века и в так называемом "Завещании господина нашего Иисуса Христа" безусловно запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви.

В деяниях святых много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ от военной службы.

Так, Максимилиан, приведенный в присутствие воле отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: "Мое имя - христианин, и потому я сражаться не могу". Несмотря на это заявление, его зачислили в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: "Лучше умру, но не могу сражаться". Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война - нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его послали в тюрьму, но он и там говорил: "Нельзя христианину носить орудие". Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе Кассиан. Его также казнили.

При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитывавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: "Я - христианин и потому не могу сражаться".

Первый вселенский собор (в 325 году) ясно определил строгую эпитимью за возвращение в войска христиан, оставивших службу. Подлинное слово этого постановления в переводе, признанном православной церковью, таково: "Благодатью призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы на свою блевотину возвратившиеся... таковые десять лет да припадают к церкви, прося прощения по трилетнем слушании писания в притворе".

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке Василий Великий рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в пер-

вые три века во время гонений, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение о том, что война не совместима с христианством.

Ферруций высказал это определенно и решительно и был за это казнен: "Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских государей".

В четвертом веке Люцифер, епископ Кальярский, проповедует, что даже самое дорогое для христиан благо - свою веру - они должны защищать "не убийством других, а собственной смертью".

Павлин, епископ Ноланский, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Так это было в первые четыре века христианства. При Константине же на знаменах римских легионов уже появился крест. А в четырехста шестнадцатом году был издан указ о том, чтобы не допускать в армию язычников. Все солдаты стали христианами, то есть все христиане за самыми малыми исключениями отреклись от Христа.

- В V-м веке все кончилось?

- С той поры в продолжение 15 веков та простая, несомненная и очевиднейшая истина о том, что исповедание христианства несовместимо с готовностью по воле других людей совершать всякого рода насилия и даже убийства, до такой степени скрыта от людей, до такой степени ослаблено истинно христианское религиозное чувство, что люди, поколения за поколениями, по имени исповедуя христианство, живут и умирают, разрешая убийства, участвуя в них, совершая их и пользуясь ими.

Так проходят века. Как бы в насмешку над христианством совершаются крестовые походы, во имя христианства совершаются ужасные злодейства, и те редкие люди, удержавшие основные начала христианства, не допускающие насилия: манихеи, монтанисты, катары и другие, вызывают в большинстве людей только презрение или гонение.

Но истина, как огонь, прожигает понемногу все скрывающие ее покровы и все ярче и ярче начинает выступать перед людьми, волей-неволей привлекая к себе внимание.

- А в истории России?

- Истина эта проявлялась во многих местах, но особенно ярко в начале XIX века в России. Проявление этих было, вероятно, очень много, но оставивших никаких следов. Некоторые только известны нам.

В 1818 году, как записал это в свой дневник генерал-губернатор Кавказа Муравьев, были присланы на Кавказ из Тамбовской губернии пять помещичьих крестьян за то, что они, будучи сданы в солдаты, отказались служить. Их несколько, раз секли кнутом, гоняли сквозь строй, но они не сдавались и говорили одно: "Все люди равны, государь такой же человек, как и мы; не будем повиноваться, не будем платить податей, а главное, не будем убивать на войне людей братьев. Можете на куски резать нас, мы не сдадимся, не наденем шинели, не будем пайка есть, не будем солдатами. Милостыню мы примем, а казенного ничего не хотим".

Таких людей засекали, морили в тюрьмах, и все, касавшееся их, старательно скрывалось, но количество их в продолжение прошлого

столетия постоянно увеличивалось. Так: "В 1827 году гвардейцы Николаев и Богданов бежали из военной службы в раскольничий скит, устроенный в лесу помещиком Соколовым. При поимке они отказались служить в военной службе, как несогласной с их убеждениями, и не хотели присягать. Военное начальство решило за такой проступок прогнать их сквозь строй и отдать в арестантские роты".

"В 1830 году в Пошехонском уезде Ярославской губернии местным исправником были схвачены неизвестные мужчина и женщина. При допросе мужчина показал: зовут его Егор Иванов, откуда он - того не знает, отца у себя кроме Христа спасителя не имел и не имеет, от роду 65 лет. То же заявила и женщина. При священническом увещании в земском суде люди эти дополнили, что, кроме одного небесного царя, никого на земле, как то: государя императора, установленного гражданского и духовного правительства, не признают. На допросе в палате Егор Иванов повторил, что ему 70 лет, властей духовных и гражданских не признает, а принимает их за отступников от правил религии христианской. Егор Иванов был сослан в Соловецкий монастырь для употребления в работы, но почему-то содержался в остроге, где и пробыл до своей смерти, случившейся в 1839 году. Умер твердым в своих заблуждениях".

"В 1849 году рекрут из крестьян Московской губернии Иван Шурупов, 19 лет, по принятии на службу, отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения. Свой отказ он мотивировал тем, что, по слову божьему, нужно служить одному богу, а потому служить государю он не хочет и присяги принимать не желает, боясь быть клятвопреступником. Начальство, рассудив, что разглашать это дело, предав суду Шурупова, было бы соблазном, решило заключить его в монастырь. Император Николай Павлович на докладе о Шурупове положил такую резолюцию: "Отправить упомянутого рекрута с конвойными в Соловецкий монастырь".

Таковы некоторые из попавших в печать сведений об отдельных лицах, едва ли тысячный процент всех людей в России, не признававших возможности соединить исповедание христианства с повиновением государственной власти. Цель их же общин, много тысяч человек, признающих несовместимость учения Христа и существующего порядка, было в прошлом веке и продолжает существовать и теперь, очень много: и молокане, и иеговисты, и хлысты, и скопцы, и староверы и многие другие, большей частью скрывающие свое признание государственной власти, но считающие ее произведением начала зла - дьявола.

- Почему - "дьявола"?

Закон государственный со своим требованием военной службы, то есть готовности к убийству по воле других людей, не может не быть противоположен всякому религиозно-нравственному закону, всегда основанному на любви к ближнему, как все религиозные учения, не только христианское, но и магометанское, и буддийское, и браминское, и конфуцианское.

То самое точное определение закона любви, не допускающее никакого исключения, которое высказано было Христом 2000 лет тому назад, в наше время уже не вследствие следования Христу, а непосредственно сознается уже

наиболее нравственно чуткими людьми всех вер.

- Закон государственный и закон любви, получается, противоречат друг другу?

- Христианин освобождается от государственного закона тем, что не нуждается в нем ни для себя, ни для других, считая жизнь человеческую более обеспеченною законом любви, который он исповедует, чем законом, поддерживаемым насильем.

Для христианина, познавшего требования закона любви, все требования закона насилия не только не могут быть обязательны, но всегда представляются теми самыми заблуждениями людей, которые подлежат обличению и упразднению.

Исповедание христианства в его истинном значении, включающем непротivление злу насильем, освобождает людей от всякой внешней власти. Но оно не только освобождает их от внешней власти, оно вместе с тем дает им возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни.

- Через изменение внешних форм жизни нельзя добиться улучшения жизни?

- Людям кажется, что положение их улучшается вследствие изменения внешних форм жизни, а между тем, изменение внешних форм есть всегда только последствие изменения сознания. И только в той мере улучшается жизнь, в которой это изменение основано на изменении сознания. Все внешние изменения форм жизни, не имеющие в основе своей изменения сознания, не только не улучшают сознания людей, но большей частью ухудшают его.

Не правительственные указы уничтожали избиение детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов. И только в той мере совершилось улучшение жизни, в которой оно было основано на изменении сознания. В той мере, в которой в сознании людей закон насилия заменился законом любви.

Людям кажется, что если изменение сознания влияет на изменение форм жизни, то должно быть и обратное. И так как направлять деятельность на внешние изменения и приятнее (последствия деятельности виднее), и легче, то они всегда предпочитают направлять свои силы не на изменение сознания, а на изменение форм. И потому большей частью заняты не сущностью дела, а только подобием его.

Внешняя суетливая, бесполезная деятельность, состоящая в установлении и применении внешних форм жизни, скрывает от людей ту существенную внутреннюю деятельность изменения сознания, которая одна может улучшить их жизнь.

И это-то суеверие больше всего мешает общему улучшению жизни людей. Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и потому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направлены на изменение сознания своего и других людей.

Христианство в его истинном значении освобождает людей от того рабства, в котором они находятся в наше время, и только оно дает людям возможность действительного улучшения своей личной и общей жизни.

- Почему же учение Христа не было сразу понято?

- То, что христианское учение не